

ЛИНГВИСТИКА

О теоретических основах изучения и перевода древнеиндийской медицинской терминологии

© кандидат филологических наук И. И. Богатырева, 2003

Данная работа посвящена исследованию санскритских медицинских терминов, выяснению их специфики по сравнению с терминами других областей научного знания в том смысле, как они традиционно понимаются в современной лингвистике. Мы исходим из того, что всякое восточное медицинское знание (и интересующее нас древнеиндийское в том числе) является органической частью научного Знания Востока, знания целостного, синтетического, единого по своей природе, отдельная часть которого может и должна быть понята лишь в соотношении с другими. Так Аюрведа не мыслима без ее философской основы, ибо это, прежде всего, определенная философия жизни, особое миропонимание и мировоззрение, в отличие от узко прикладной, чисто физиологической медицины современного Запада. Исследование, описание и перевод интересующих нас аюрведических терминов оказываются возможными лишь в том случае, если будет принят *комплексный* подход к решению поставленных задач:

- устанавливать подлинное значение отдельных древнеиндийских медицинских терминов следует на основе знания содержания основных древних трактатов Аюрведы и непременно с учетом места каждого отдельно взятого термина в терминосистеме Аюрведы;
- поскольку термин именуется некое понятие, и место термина в терминосистеме соответствует месту этого понятия в системе понятий данной отрасли научного знания, то оказывается необходимым знание концепции Аюрведы, понимание ее принципиальных отличий от европейской традиционной медицины;
- так как Аюрведа – это органичное соединение медицины и философии, и, более того, ее терминология была создана на базе философской терминологии (решающую роль в становлении и развитии категориального аппарата и терминологической системы Аюрведы сыграла философская школа санкхья), необходимо также осмысление философских оснований древнеиндийской медицинской традиции: за многими медицинскими терминами стоит философский смысл, причем эти смыслы органично связаны друг

с другом и не могут быть поняты иначе как в этом органичном единстве.

Прежде, чем перейти к непосредственному рассмотрению терминов Аюрведы, следует определить, что же такое термин вообще. В современной лингвистике нет единого, обобщающего определения термина, но при определении понятия “термин” чаще всего встречаются следующие его признаки:

- термин - это слово или словосочетание;
- термин выражает специальное понятие;
- термин употребляется в специальной сфере.

Многие лингвисты отмечают специфику термина, сравнивая его с обычным словом, нетермином. Так, например, Г.О. Винокур¹ выделяет в семантике термина специализированность его значения, точность его семасиологических границ (1); его интеллектуальную чистоту, т.е. его отрешенность от образных и эмоциональных переживаний (2). Термин должен нести в себе строго интеллектуальное содержание, исключая эмоционально-экспрессивные моменты. Он должен быть нейтральным языковым знаком, который в пределах специального общения лишь содержит некоторую информацию о предмете речи, а не включает в себя элементов его оценки. Вообще же, считает Г.О. Винокур, *термины – это не особые слова, но слова в особой функции.*

Что же это за особая функция терминов? На этот вопрос можно найти ответ в работах В.В. Виноградова, которому принадлежит в отечественной лингвистике идея о *дефинитивной функции* как главной особенности слов-терминов: термин, по мнению В.В. Виноградова, не называется понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему. Значение термина – это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается. По мнению А. Рея, “дефиниция является, возможно, центром проблемы термина”². Обычно различные трактовки дефиниции связаны с такими качествами термина, как определенность, однозначность (в идеале), четкость его значения. Несколько неожиданный поворот делается в работе Б.Ю. Городецкого, где дефиниция рассматривается в связи с нечеткостью термина как одним из его сущностных свойств. По мнению Б.Ю. Городецкого, нечеткость термина имеет многообразные проявления, и это связано с неполнотой любой дефиниции. В дефиниции “не может быть отражено все хотя бы потому, что знания постоянно развиваются и обогащаются, Приблизительность содержания термина связана с неисчерпаемостью материального мира, с взаимопереходами понятий,

¹ Г.О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ, филологический факультет. Т. 5. М., 1939.

² А. Рей. La terminologie: noms et notions. Paris, Presses univ. de France, 1979.

с ростом информационной емкости термина, с разработкой единых терминов для разных наук”³.

Специфика термина состоит не только в его систематичности, стилистической нейтральности, в его особых функциях, но и в его зависимости от определенного терминологического поля, вне которого слово теряет свою характеристику термина. По мнению А.А. Реформатского⁴, контекстом для термина является не ситуация или текст, а только терминологическая система, через которую он и приобретает свою однозначность. Термин нельзя рассматривать и оценивать изолированно. Чтобы его понять, надо понять всю теорию, определить его место в рамках этой теории. Стройная терминологическая система – это своего рода модель знаний в этой области науки, отражающая ее внутреннюю логику. Термины являются важными элементами научного аппарата теорий и концепций. С помощью терминов в материальной форме закрепляются результаты познания, обеспечивается преемственность научного знания. Термин не просто называет какое-то научное понятие, но и классифицирует его в данной системе научной терминологии, отражая в своей смысловой структуре важнейшие признаки объекта терминования и взаимосвязи этого объекта с другими. Более того, термин является своеобразным *инструментом* познания: он призван не только предельно точно выразить научное понятие, но и служить “орудием” выявления нового в той отрасли знания, которую он обслуживает: ведь от того, как мы определим понятие, какие свойства ему припишем, в дальнейшем будут зависеть и классификации теории, и область применения формулируемых законов. Следует также отметить, что терминология имеет сложную внутреннюю организацию и является многоуровневой системой.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать следующее. *Термин – это слово в дефинитивной функции. Он однозначен в пределах определенной терминологии, которая связана с отдельной областью научного знания, детерминирована ею. Научная терминология – это не простая совокупность слов, а многоуровневая системная организация, где всякий термин имеет свое место, которое обусловлено местом соответствующего ему понятия в системе понятий данной области знания и своеобразным инструментом научного познания. Строгая терминологическая система – это модель знаний в данной области науки и одновременно критерий правильности построения научной теории, ее логичности и непротиворечивости.*

³ Б.Ю. Городецкий. Термин и его лингвистические свойства // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 55.

⁴ А.А. Реформатский. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., Наука, 1986.

Посмотрим же теперь на древнеиндийские медицинские термины и попытаемся выяснить, в чем состоит их специфика, их “непохожесть” на научные термины в том смысле, как они понимаются в современной европейской лингвистике. Древнеиндийское слово вообще и аюрведическое слово-термин в частности может быть понято и осмыслено лишь в рамках ведийской концепции божественной природы Речи, концепции Слова как воплотившегося в звуке и смысле Абсолюта, т.е. Брахмана. Уже в Ригведе встречаются гимны, в которых Речь (Vāk) отождествляется с Брахманом как первопричиной всего сущего. По мнению А.С. Бархударова⁵, Речь и Слово в древнеиндийской культурной традиции понимались как путь приобщения смертных к высшей, божественной сущности. Правильное употребление Слова становилось средством соблюдения дхармы (нравственного и религиозного закона, добродетели) и мокши (спасения души). Таким образом, санскритское Слово понималось как слово истинное, несущее в себе некий высший, сокровенный смысл, выражающее сущность именуемой им вещи. Древнеиндийское Слово (и аюрведический термин в том числе) является синтетическим, мифически-магическим словом-символом.

Невозможно не заметить глубинной связи ведийской концепции слова с философией и диалектикой имени А.Ф. Лосева, а также с учением П.А. Флоренского о “слове созревшем”, где органично сливаются воедино собственно лингвистические и философские аспекты.

Учение А.Ф. Лосева об имени как бы пронизывает все его основные сочинения, но в виде целостной концепции оно представлено в одной из его ранних работ – в “Философии имени”. Это учение несомненно впитало в себя многие представления античности. В его основу положено имя и его отношение к миру вещей, причем имя связано не просто с вещью, но и с сущностью последней. Суть процесса именованья состоит в закреплении сущности вещи, причем сущность по самой своей природе безусловна и неслучайна. Анализ диалектики имени у Лосева начинается с разбора диалектической категории единого и от нее идет к отдельной вещи, а затем – к отдельному слову, к его “живой и трепещущей стихии”. Вещь и именуемое ее слово связаны с философской категорией сущего, в них присутствующего, а следовательно, и с категорией не-сущего (= “меон”). Всякое слово содержит в себе некий смысл и “иное” этого смысла. Это иное, или меон, есть начало иррационального, которое необходимо присутствует в самой рациональности сущего. Данный момент чрезвычайно важен: органичное соединение рационального и иррационального начал – характерная черта восточно-

⁵ А.С. Бархударов. Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. М., Наука, 1988.

го миропонимания, находящая непосредственное отражение не только в художественных текстах, но и в научных построениях Востока.

Учение А.Ф. Лосева об имени включает в себя не только учение о сущности, вещи, понятии, но охватывает все главные семантические назначения имени, вплоть до слова как формы символа и мифа. Согласно Лосеву, мифичен *способ изображения* вещи, а не сама вещь, но тогда мифично также и ее именование. Именно в этом смысле слово признается мифом. “Только в мифе я начинаю знать другое как себя, и тогда мое слово – магично. Я знаю другое как себя и могу им управлять и пользоваться. Только такое слово, мифически-магическое имя, есть **полное** пребывание сущности в ином, и только такое слово есть вершина прочих слов”.⁶ Именно магическое слово, слово-символ, слово-миф “есть точная и точеная идея, **несмотря** на присутствие иррациональных глубин сущности и **благодаря** им”.⁷ Подлинное имя – это познанная природа, это сама жизнь, данная в разуме. Оно является не просто средством копирования жизни, но призвано, воспроизводя жизнь, ее упорядочивать и регламентировать.

С философией имени А.Ф. Лосева перекликается учение о “слове созревшем” П.А. Флоренского. По мнению Флоренского, от такого зрелого слова требуется наибольшая напряженность антиномичности (ср.: “сущее” и “не-сущее” у Лосева), оно должно быть одновременно и неизменным, и все-приспособительным, в нем имеются “малые тайны вселенского собирания и, потому, вселенской полноты”, в нем – предельная достигнутость человеческой мысли. “В этом слове человеческая словесность нашла чистейшую, выработаннейшую свою линию, которая выразила то, что требовалось выразить, и потому всякая **иная** линия в том же направлении – хуже, дряблее, менее точна”.⁸ Таким образом, именование вещи, по Флоренскому, является чрезвычайно важным моментом для постижения нами ее сущности, ибо только благодаря имени, даваемому предмету, мы вводим данный предмет в систему нашей мысли, именно имя является “точкой приложения деятельности мысли”. У синтетического слова можно выделить несколько ступеней: *углубленное имя, термин* (углубленное имя взято в свернутом виде), *закон* (имя взято развернутым). Термин (лат. terminus) рассматривается Флоренским как производное от ter – “перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону”, т.е. термин – это хранитель границы культуры, предел данной области культуры, ее предельное значение.

Именно так, в русле этих концепций имеет смысл трактовать термины Аюрведы, учитывая также особый характер древнеиндийских

⁶ А.Ф. Лосев. Философия имени. М.: Изд. авт., 1927. С. 170-171.

⁷ Там же. С. 165.

⁸ П.А. Флоренский. Термин // Вопросы языкознания, 1989, №1. С. 122.

аюрведических текстов. Санскритские тексты представляют собой сложную, многоуровневую организацию, это план выражения не только системы языка, но и других семиотических систем, надстраивающихся над ней, - систем философии, религии, мифологии. Дешифровка такой многослойной образной структуры требует не менее сложных и многоступенчатых операций. Слова языка (а значит, и медицинские термины) оказываются включенными в целый ряд смысловых кодов, которыми оперировали создатели этих текстов. Древнеиндийский термин оказывается глубоко символичным, бездонным, несущим в себе рациональные и иррациональные глубины. Он как бы расположен в нескольких плоскостях и несет в себе множество смыслов. Поэтому к нему не применимы те требования, которые предъявляются к термину в европейской лингвистической литературе, а именно: однозначность, стилистическая нейтральность, отсутствие синонимии и омонимии, находимость вне каких-либо экспрессивных характеристик. Попробуем показать это на конкретных примерах.

Многие медицинские термины Аюрведы полисемантичны, неоднозначны. Явление полисемии присуще санскритскому слову вообще, является его характерным признаком, и термин в этом смысле не будет исключением. А.С. Бархударов дает этому факту следующее объяснение: “В основе санскритского полисемантизма лежит мировоззренческая концепция, в центре которой понятие **майя** – иллюзорность внешнего мира, относительность всех конкретных, материальных форм как равнозначных символов абсолюта, многообразно отражающих абсолюта. Поскольку в основании множества форм лежит единая сущность, любое слово потенциально способно принять любое значение (в принципе), подобно тому, как единая сущность выявляется в бесчисленном количестве форм”⁹. Интересно, что в ряде случаев санскритское слово может объединять в себе совершенно противоположные значения. Это наблюдается в одном из основополагающих аюрведических терминов – *doṣa* (доша). Доша – это основные компоненты тела, представляющие собой модификацию пяти космических первоэлементов (а именно: земли, воды, огня, воздуха и эфира) в применении к организму человека. Если доша находятся в нормальном количестве и соотношении друг с другом, то их рассматривают как компоненты тела (а если еще более точно, то как основные функциональные системы человеческого организма.). Если же равновесие между ними нарушается, то тогда они становятся тем, что портит другие составные части организма, наносит им вред. Таким образом, семантика термина “доша” содержит два противоположных компонента: 1) “функциональная система организма, опреде-

⁹ А.С. Бархударов. Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. М.: Наука, 1988, С. 198.

ляющая его нормальную жизнедеятельность” и 2) “плохое качество, наносящее вред другим компонентам тела человека”.

В качестве иллюстрации утверждения о неоднозначности древнеиндийских медицинских терминов можно привести следующие примеры. Слово *vasti* имеет значения: 1) “низ живота” и 2) “мочевой пузырь”. Первое значение указывает на довольно неопределенную область тела (в западной традиции мы бы и не назвали это значение терминологическим), второе же значение называет конкретный орган, находящийся в данной части тела. Подобная картина наблюдается и при рассмотрении семантики других аюрведических терминов, например: *hrd* – 1) “середина туловища (т.е. грудь и живот)” и 2) “сердце”; *anga* – 1) “тело, туловище” и 2) “часть тела, орган”. Объяснение этому факту находится в такой особенности древнеиндийской (а также и древнекитайской и тибетской) медицинской традиции, как целостный подход к организму человека. Если западная медицина исходит из анатомии, расчленения единого по своей природе организма на отдельные его части, то Восток смотрит на человеческий организм как на континуум, в котором все взаимосвязано и который нецелесообразно расчленять подобным образом. Здесь обретает силу тот принцип, что нельзя разделить то, что не является само по себе разделенным¹⁰. Для Востока человеческий организм – это функциональная система, представляющая собой набор непрерывных функций¹¹.

В вышеприведенных примерах, где один и тот же термин обозначает одновременно и целое, и его часть, наблюдается перенос значения – перенос метафорический. Следует отметить, что в основе языковой метафоры лежит метафора как форма мысли вообще и научной мысли в частности. Метафора лежит в основе многих древнеиндийских медицинских терминов, причем именно метафора как форма мысли и форма познания. Обратимся снова к тому, что в Аюрведе именуется “доша”.

Учение о трех доша играет важную роль в Аюрведе, оно является основой диагностики, патологии и терапии. Согласно учениям древне-

¹⁰ Эта идея была не чужда и греко-латинской античной традиции. В свое время ее выразил еще Аристотель (“Физика”, глава 8): “Когда непрерывную линию делят пополам, то одну точку принимают за две, ее делают и началом одной половины, и концом другой; однако, когда производится деление таким образом, то ни линия, ни движение не остаются непрерывными... В непрерывном, хотя и заключается бесконечно много половин, но только в возможности, а не в действительности”.

¹¹ Нами не случайно используется математическая терминология. Мы убеждены в том, что существует глубинная внутренняя связь между медицинскими, философскими и математическими построениями древних, что восточная медицина представляет собой строгую научную систему, имеющую свою внутреннюю логику, основанную на математических законах чисел. В данной статье мы не ставим перед собой задачи продемонстрировать и обосновать вышесказанное. Более того, данная проблема, несомненно, заслуживает отдельного, пристального рассмотрения и еще ждет своих исследователей.

индийских медиков, в организме человека представлено три доша: это вата (vāta – “ветер”), питта (pitta – “огонь”) и капха (kapha – “слизь”). Эти доша ни в коем случае нельзя отождествлять с какими-то материальными носителями и тем более с европейскими представлениями и понятиями. Это другой уровень видения структуры человеческого тела и его органов. Западная медицина трактует материальные структуры и ткани, которые выполняют определенные функции, а восточная – функции, с которыми оказались связаны определенные органы. Доша – это определенные фазы развития, или функциональные круги, или (что нам более понятно) функциональные системы. Это микрокосмические представители макрокосмических первоэлементов Вселенной.

В организме человека доша отвечают за определенные физиологические процессы. Вата (“ветер”) связан со всякого рода движениями: это и передвижение всего тела в пространстве, и удаление ненужных, “отработанных” веществ из организма (кала, мочи, пота, слизи, слюны и т.п.), и осуществление дыхания, и движение крови по сосудам и т.д. Питта (“огонь”), как и огонь в природе, поддерживает в организме человека постоянную температуру его тела, ведает процессами пищеварения, что непосредственно связано с идеей огня: поступающая внутрь пища переваривается, “сжигается”, высвобождая при этом необходимую для нормальной жизнедеятельности энергию. Капха (“слизь”) находится во всех жидкостях в теле – в слизистых оболочках глаз, носа, ушей, внутренних органов, во всех суставах и сочленениях тела как своеобразный “смазочный материал”. Нам кажется, что даже из этого краткого описания видно, как глубоко метафоричны эти три доша – “ветер”, “огонь” и “слизь”. Метафора лежит как в основе самих имен-терминов, так и в представлениях древних индийцев о природе, сущности именуемых этими терминами вещей¹².

Следующая особенность древнеиндийской медицинской терминологии – это наличие синонимии. Как правило, среди синонимичных терминов можно выделить главный, наиболее употребительный и нейтральный, но и другие его синонимы могут встречаться в аюрведических трактатах довольно часто. Так, “кровь” как один из семи основных компонентов тела (=дхату) чаще встречается в виде asrk или asrj, но могут быть и такие ее именованья: rakta, rudhira, ṣonita. Целый ряд синонимов имеет термин vāyu – “воздух”, когда он является обозначением одного из пяти первоэлементов: anila, pavana, mārut(a), vāta, samīrana. Причиной этого, по всей видимости, является тот факт, что аюрведиче-

¹² Метафора лежит и в основе некоторых европейских медицинских терминов: напр., рак, грудная жаба, расстройство желудка и др. О них также нельзя сказать, что они нейтральны, не экспрессивны, холодны. За каждым из них стоит достаточно яркий образ, идея, которая покоится на метафоре.

ские трактаты были написаны в стихотворной форме, и немаловажную роль при отборе терминов играл эстетический критерий: один и тот же термин не повторялся многократно, а заменялся каким-либо синонимом.

В качестве примера омонимии санскритских терминов приведем следующий. Слово “раса” (rasa) в фармакологии служит обозначением вкуса жидкости, лекарства, всего выделяют шесть видов раса. В Аюрведе теория шести раса играет важную роль, особенно в разделах, касающихся составления лекарств, диеты (в разных видах пищи преобладают разные виды раса). В физиологической концепции Аюрведы данный термин обозначает один из компонентов тела. Кроме того, есть и третий раса – это термин другой древнеиндийской науки, поэтики.

Итак, мы видим, что санскритский медицинский термин в целом ряде случаев неоднозначен, метафоричен, экспрессивен, у него могут быть многочисленные синонимы и омонимы, которые также являются терминами. Выше уже упоминалось о том, что древние восточные тексты как бы состоят из нескольких слоев, представляют собой сложную, многоярусную структуру. В связи с этим и само слово в таких текстах многопланово, объемно. В данной работе мы лишь пытались показать, что древнеиндийская медицинская терминология не “вписывается” в рамки европейского представления о терминах, и что это обусловлено ее особой природой и культурной традицией, создавшей ее именно такой. Мы не ставили перед собой задачи продемонстрировать другие грани и глубины аюрведических терминов, которые связаны с их прочтением в других плоскостях – философской, религиозной, математической и т.п. Хотя эта задача должна непременно ставиться и решаться, т.к. все эти смыслы органично связаны друг с другом и не могут быть поняты иначе, как в этом гармоничном единстве.